

КИНО
ПРО ЛЮБОВЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Serge Orloff

Serge Orloff

Кино про любовь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Orloff S.

Кино про любовь / S. Orloff — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Во второй половине 80-х, почти на излёте СССР, съемочная группа Мосфильма отправляется с кино-экспедицией в маленький южный городок, чтобы снять один из последних, традиционных советских фильмов о любви. Содержит нецензурную брань.

© Orloff S., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Окно режиссёрского Люкса (цветной телевизор «Рубин», холодильник «Бирюса», шкафчик с рюмочками, отдельная спальня и ванная с кафелем) было открыто настежь, но это не помогало. На улице было плюс тридцать пять.

Как они здесь живут? – подумал Таранов о жителях Ягодного.

Сам он плохо переносил жару: его подташнивало, пропадал аппетит и по вечерам болела голова.

Одну жару он ещё мог как-то выносить, – его убивало то, что к ней примешивались производственные неприятности. На Мосфильме уже поднимался скандал. Двадцать полезных метров за четырнадцать съёмочных дней в дирекции считали чуть ли не провалом экспедиции. На днях для выяснения ситуации на месте со студии должен приехать директор картины.

Таранов примерно догадывался, что о нём судачат на студии: дебютант в свои 44 года, из Саратова, снимал там на кинохронике какие-то короткометражки, женился на москвичке, 5 лет ошивался на Мосфильме, выпрашивая хоть какую-то постановку, безвольный, группу распустил, разрешил актрисе улететь на другие съёмки, из-за чего группа пять дней была в простое и так далее.

В своих раздумьях он допускал, что, возможно, этот дурацкий сценарий с рабочим названием «А если это любовь?» ему сбагрили лишь для того, чтобы похоронить его как режиссёра. От этого сценария на студии открестились все безработные режиссёры, а он согласился. Отказаться он не мог из-за жены. Она бы этого не поняла: пять лет он сидел без работы, и вот ему дают, на Мосфильме (!!!) полнометражную постановку – чего тут думать! Пусть это будет слабый фильм, главное – зацепиться на студии.

Сценарий, действительно, был ужасен: в колхоз-миллионер случайно, проездом из города попадает молодой агроном, влюбляется в доярку и остаётся там жить и работать. В качестве костылей к сюжету были приделаны пять музыкальных номеров. В режиссёрской версии Таранов заменил доярку на заведующую лабораторией, вставил ещё пару эпизодов, но это было как мёртвому припарки. Таранов с грустью подумал, что, если даже каким-то чудом он всё-таки снимет и смонтирует весь материал, выше третьей категории в Госкино это говно все-равно не получит. А это значит, – минимальное количество копий и потиражных, не говоря уже о гонораре.

Таранов достал из холодильника бутылку водки и налил себе рюмку.

На часах было 12 часов дня, на улице плюс 35, а на душе у него – лучше не думать.

С запотевшей рюмкой водки он подошёл к зеркалу, чокнулся со своим отражением и, быстро опрокинув в себя ледяную жидкость, предался раздумьям.

Он знал, как мосфильмовские остряки за глаза называли его картину. Была такая весёлая традиция на студии всё переименовывать и каламбурить. Раньше он не обижался на это. И только сегодня до него дошло, что по отношению к его постановке они вовсе не шутили.

«А если это пиздец?» – вот как они называли его фильм.

В отличие от режиссёра, в одиночестве глушившего водку в своём номере, художник-постановщик картины, Давид Иосифович Виннер выходной в группе день проводил с пользой. В компании с двумя девушками, гримёршей Настей и помрежом по актёрам Ангелиной он отправился на прогулку по городку для выбора натур.

В Ягодном группа находилась уже две недели, однако по-настоящему познакомиться с этим провинциальным местечком всё никак не удавалось. И вот сегодня, наконец, Виннер решил неспешно пройти по всем его улочкам и присмотреть для съёмок характерный южный колорит.

Людей на улицах совсем не было. Должно быть, прячутся от жары, – решил про себя Виннер.

На центральной площади Ягодного его внимание привлекло большое живописное панно на стене Дома Культуры, на котором были изображены советские трудящиеся. Глазом художника он сразу уловил некоторую странность в художественном решении этого произведения. Чтобы проверить свою догадку, он даже привлёк к нему внимание своих спутниц.

– Как Вам эта красота? – спросил он у девушек.

Настя и Ангелина равнодушно посмотрели на панно и не нашли в нём ничего заслуживающего внимания. Такие картины были обычным элементом почти всех советских городов: рабочий что-то куёт, женщина что-то жнёт, инженеры что-то чертят – расхожий сюжет.

– Не заметили, значит, – подумал он и ещё раз взгляделся в детали.

То, что эту картину рисовал эротоман, у Виннера сомнений не было. У крестьянки на панно теньями были обозначены слишком большие для пропагандистского плаката груди, а у стоящей к ней спиной инженерши за ватманом была зачем-то подчёркнута линия ягодиц и – самое главное – её юбка просвечивала таким образом, что чисто женский воздушный треугольник между верхними частями бёдер отчётливо просматривался.

– Это же порнография, – удивился про себя Виннер. Как это может висеть в центре города, у самого горкома партии? А прохожие? Неужели они ничего не видят?

Девушки ушли уже далеко вперёд, а Виннер всё продолжал думать над этой головоломкой. Ну, допустим, художник – порнограф, но как они могли это пропустить? По своему опыту он знал, как строго партийные органы принимают работы у художников – вычищается всё, что не соответствует канонам монументальной советской живописи. Эскизы месяцами мурыжат десятки людей из идеологического отдела. В результате всех правок на картине остаются бесполые роботы, а тут щель между бёдер!

Странно всё это...

Виктор Матусей был из тех операторов, кто не имел своего режиссёра. За 25 лет своей службы на Мосфильме он работал с десятками режиссёров, но творческий тандем так ни с кем и не сложился. Некоторые из этих режиссёров впоследствии стали знаменитыми и обзавелись своими постоянными операторами, а Матусей всё бродил по коридорам производственного отдела в надежде прикрепиться на какую-нибудь новую картину. Коллеги по цеху считали его неудачником. По их мнению, для успеха на Мосфильме ему не хватало многого. Во-первых, он не пил. Никто не требовал от него быть выпивохой, но запереться после съёмок в номере и демонстративно не участвовать в пирушках... До него как-бы не доходило, что мало быть грамотным оператором, надо быть другом, соучастником, собутыльником, в конце концов. А он был заиклен на картинке – всё возился и возился с ней по свету – и забывал, что это кино. Монтаж он считал делом режиссёра, поэтому никогда не предлагал операторского решения сцены, никогда по вечерам не сидел с постановщиком и не рисовал свои варианты раскадровок, не помогал ему делать кино. «Как был фотографом, так и остался», – говорили о нём режиссёры, и это был окончательный вердикт.

Понятно, что с такой репутацией Матусей не мог выбирать, с кем ему работать и соглашался с тем, что дают. На этот раз ему дали дебютанта, который никогда не снимал полный метр.

Мутасей видел, что Таранов нервничает и переснимает целые сцены, но помочь ему справиться с материалом не хотел, – режиссёрские проблемы его не касались. Вот и сегодня вместо того, чтобы обсудить с Тарановым планы на завтрашнюю съёмку, он решил проверить объектив. В последнем полученном из Москвы материале ему показалось, что трансфокатор на

большом фокусе немного «моет» изображение. Пользуясь выходным, он хотел снять небольшой клин на разных фокусах и по результатам его проявки, возможно, потребовать в операторском цеху замены объектива.

Мутасей постучал в номер, где проживала операторская группа. На стук никто не ответил. Тогда он постучал сильнее, и дверь открылась сама. Из комнаты на него сразу пахнуло жутким водочным перегаром и какой-то непотребной вонью.

Все лежали как мёртвые. Второй оператор Саша – его правая рука на съёмочной площадке – спал в совершенно невыносимой позе: нижняя часть туловища сидела на полу, а верхняя лежала на кровати. Два ассистента оператора – по плёнке и по фокусу – так же бездыханно валялись в своих койках. На полу были разбросаны пустые консервные банки и окурки из перевернутой пепельницы. На столе стояла банка шпрот с затушенными в ней сигаретными бычками. Лопнувший кипятильник, опущенный в стеклянную литровую банку, всё ещё был включён в розетку. И посреди всей этой разрухи лежал дорогостоящий японский экспонометр Seconic.

Выключив кипятильник из сети и забрав с собой экспонометр, Мутасей вернулся в свой номер и провёл остаток дня с книгой В.В. Майера «Свет в оптически неоднородной среде»

Мирный выходной день в группе закончился довольно шумно. В десять часов по коридорам гостиницы стали нервически бегать администраторы. Дело было в том, что этим вечером должна была прилететь главная героиня. Администратор Жора послал за ней в аэропорт Краснодара местного таксиста, и часам к девяти актрису уже ждали в Ягодном. Однако, в десять вечера Зуева позвонила из Сочи, удивлённая тем, что её никто не встречает. Жора немедленно связался с оставшимся в Москве третьим администратором картины. Оказалось, что тот не смог отправить Зуеву краснодарским рейсом и посадил её на сочинский.

– А почему ты не предупредил? Ты, что, совсем, что ли? В результате у меня таксист за сотку торчит в Краснодаре, а Зуева в Сочи, откуда в Ягодное ничего не ходит. Ты понимаешь, что это п...ц, у нас завтра смена с 9 утра, – кричал в трубку Жора.

Далёкий администратор в трубке оправдывался, и Жора взорвался:

– Кого ты предупреждал? Ваксберга?!!! Какого х...я ты Ваксберга предупреждал?! Он в Москве, ему насрать. Ты нам должен был позвонить!

Жора бросил трубку.

За спиной Жоры взад-вперёд по комнате нервно ходила помощница режиссёра по актёрам Ангелина и заклинала:

– Ребята, надо что-то придумать. Ребята... До Сочи всего 120 километров.

– Если бы по прямой – разговора нет. А по горам всю ночь ехать только в одну сторону.

– Что же делать?

– Отменять съёмку.

– Вы с ума сошли? Она прилетела к нам на один день. Послезавтра у неё премьера на Таганке. Любимов нас всех убьёт. Я с таким трудом уговорила его отпустить её. Нет, даже не думайте об этом.

В этот момент из Сочи снова позвонила Зуева.

– Мы сейчас решаем этот вопрос, – спокойно сказал ей Жора.

В трубке послышались писк и ругань. Жора отвёл от уха трубку и дал послушать это Ангелине.

Ангелина перехватила трубку:

– Сашенька, Сашенька, милая. Успокойся. Успокойся, прошу тебя. Это наша накладка, извини, ради Бога. Мы сейчас закажем тебе гостиницу в Сочи...

Жора тотчас взорвался:

– Как мы её закажем?!

– ... закажем гостиницу, – продолжала Ангелина – а к утру мы всё разрулим. Потерпи чуть-чуть. Позвони нам через час, и мы тебя сориентируем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.